

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА СЛАВИСТОВ

ISSN 2312-9751

Ежегодный международный научный журнал

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТИЛИСТИКИ

№ 7

Факультет журналистики
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Москва 2021

Редакционный совет:

- глава редакционного совета – член-корр. РАО, д-р филол. наук, профессор Е. Л. Вартанова
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова);
д-р филол. наук, профессор Д. Бжозовска (Опольский университет, Польша);
д-р филол. наук, профессор Т. А. Воронцова (Челябинский государственный университет);
д-р филол. наук, профессор С. Гайда (Опольский университет, Польша);
д-р филол. наук, профессор Я. Гоффманнова (Академия наук Чешской Республики);
д-р филол. наук, профессор М. В. Иванова
(Литературный институт имени А. М. Горького);
д-р филол. наук, профессор В. И. Ивченков (Белорусский государственный университет);
д-р филол. наук, профессор Н. И. Клушина
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова);
д-р филол. наук, профессор В. И. Коньков
(Санкт-Петербургский государственный университет);
д-р филол. наук, профессор Т. В. Кортава
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова);
д-р филол. наук, профессор Т. В. Кузнецова
(Национальный университет «Одесская юридическая академия», Украина);
д-р филол. наук, профессор Е. Малиновска (Опольский университет, Польша);
д-р филол. наук, профессор П. Мареш (Карлов университет в Праге, Чешская Республика);
д-р филол. наук, профессор П. Меич (Университет Мостар, Босния и Герцеговина);
д-р филол. наук, профессор О. Оргонева
(Университет имени Коменского в Братиславе, Словакия);
д-р филол. наук, профессор Л. Тантуровска
(Институт имени Крсте Мисиркова в Скопье, Македония);
д-р филол. наук, почетный профессор Б. Тошович (Университет Карла и Франца в Граце, Австрия).

Редакционная коллегия:

- д-р филол. наук, профессор Н. И. Клушина (главный редактор);
канд. филол. наук, доцент Н. Н. Василькова (заместитель главного редактора);
канд. филол. наук, доцент Н. В. Смирнова (шеф-редактор);
канд. филол. наук, доцент С. Ф. Барышева (ответственный секретарь);
канд. филол. наук, доцент И. А. Вещикова;
канд. филол. наук, доцент Н. Н. Вольская;
канд. филол. наук, доцент Л. Т. Касперова;
канд. филол. наук, доцент Л. Е. Малыгина;
канд. филол. наук, доцент А. В. Николаева;
канд. филол. наук, доцент Т. И. Сурикова;
Н. А. Примаченко;
Л. Я. Шнейберг;
М. А. Васильченко.

Контактная информация: 125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 9

Электронный адрес редакции: apstil@yandex.ru

Все материалы рецензируются.

Журнал включен в базы данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и EBSCO.

© Актуальные проблемы стилистики. Все права защищены.

Editorial Council:

Vartanova E. L., Chair of Editorial Council,
Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Philology, Professor
(Lomonosov Moscow State University);

Brzozowska D., Doctor of Philology, Professor (Opole University, Poland);
Gajda S., Doctor of Philology, Professor (Opole University, Poland);
Hoffmannová J., Doctor of Philology, Professor (Academy of Sciences of the Czech Republic);
Ivanova M. V., Doctor of Philology, Professor (Maxim Gorky Literature Institute);
Ivchenkov V. I., Doctor of Philology, Professor (Belarusian State University);
Klushina N. I., Doctor of Philology, Professor (Lomonosov Moscow State University);
Konkov V. I., Doctor of Philology, Professor (St.-Petersburg State University);
Kortava T.V., Doctor of Philology, Professor (Lomonosov Moscow State University);
Kuznetsova T. V., Doctor of Philology, Professor
(National University "Odesa Law Academy", Ukraine);
Malinowska E., Doctor of Philology, Professor (Opole University, Poland);
Mareš P., Doctor of Philology, Professor (Charles University in Prague, Czech Republic);
Meić P., Doctor of Philology, Professor (University of Mostar, Bosnia and Herzegovina);
Orgoňová O., Doctor of Philology, Professor (Comenius University in Bratislava, Slovakia);
Tanturovska L., Doctor of Philology, Professor (Institute "Krstе Misirkov", Skopje, Macedonia);
Tošović B., Doctor of Philology, Professor Emeritus (University of Graz, Austria);
Vorontsova T. A., Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk State University).

Editorial Board:

Klushina N. I., Editor-in-Chief, Doctor of Philology, Professor;
Vasilkova N. N., Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Philology, Associate Professor;
Smirnova N. V., Managing Editor, Candidate of Philology, Associate Professor;
Barysheva S. F., Executive Secretary, Candidate of Philology, Associate Professor;
Veshchikova I. A., Candidate of Philology, Associate Professor;
Volskaya N. N., Candidate of Philology, Associate Professor;
Kasperova L. T., Candidate of Philology, Associate Professor;
Malygina L. E., Candidate of Philology, Associate Professor;
Nikolaeva A. V., Candidate of Philology, Associate Professor;
Surikova T. I., Candidate of Philology, Associate Professor;
Primachenko N. A.;
Shneiberg L. Y.;
Vasilchenko M. A.

Contact information: 9 Mokhovaya Street, 125009, Moscow

E-mail: apstil@yandex.ru

All articles are refereed.

The journal is included in the databases of the Russian Science Citation Index (RSCI) and EBSCO.

© Actual Problems of Stylistics. All rights reserved.

Н. В. Смирнова

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

КОНЦЕПЦИИ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ⁹

Современный этап развития лингвистики отмечен выдвиганием лингвокреативности в состав ключевых метаязыковых единиц. Актуализация понятия лингвокреативности обусловлена рядом причин: антропоцентрическим поворотом в лингвистике, достижениями когнитологии, результатами исследований поэтического языка с его установкой на творчество, расширением сферы творческой активности носителей языка до массового лингвокреатива. В статье рассматриваются концепции лингвокреативности, сложившиеся в рамках таких направлений современного российского языкознания, как когнитивная лингвистика, лингвокультурология, креативная стилистика, лингвистика креатива.

Ключевые слова: лингвокреативность, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, креативная стилистика, лингвистика креатива.

Nadezhda V. Smirnova

(Lomonosov Moscow State University)

CONCEPTS OF LINGUOCREATIVITY IN MODERN RUSSIAN LINGUISTICS

The current stage in the development of linguistics is marked by the advancement of linguocreativity into the key metalanguage units. The actualization of the concept of linguocreativity is due to a number of reasons: the anthropocentric turn in linguistics, the achievements of cognitology, the results of studies of poetic language with its focus on creativity, the expansion of the sphere of creative activity of native speakers to mass linguistic creativity. The article examines the concepts of linguocreativity that have developed within the framework of such areas of modern Russian linguistics as cognitive linguistics, cultural linguistics, creative stylistics, and creative linguistics.

Key words: linguocreativity, cognitive linguistics, cultural linguistics, creative stylistics, linguistics of creativity.

⁹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00077 А «Креативная функция языка в интернет-коммуникации».

Современная лингвистика характеризуется полипарадигмальностью и междисциплинарностью: «Специфику современной гносеологической ситуации в науке о языке составляет быстрая смена лингвистических парадигм и как следствие постоянно изменяющийся образ языка, сосуществование множества различных видений языка и предощущение появления множества потенциальных лингвистик. Для данного времени характерны активные интегративно-дифференциальные процессы внутри лингвистики и культуры в целом – построение, развертывание и проектирование новых дисциплин и направлений, а также интенсивные контакты лингвистики с другими областями знания и духовной жизни человека» (Постовалова 2017: 18–19). Интенсивное развитие лингвистической мысли отражается в динамике терминологии, в обновлении состава метаязыковых единиц. В современном российском языкознании наблюдается актуализация понятия лингвокреативности в целом ряде направлений лингвистических исследований, таких, как когнитивная лингвистика, лингвокультурология, креативная стилистика, лингвистика креатива. Как отмечают исследователи, «в последнее время креативность и лингвокреативность приобретает статус оперативного термина и становится ключевой метаязыковой единицей лингвистического анализа» (Фещенко 2012: 92), «термин «лингвокреативность», а также «креативность» и «креатив» стали входить в состав метаязыка многих лингвистических дисциплин» (Постовалова 2020: 133).

Выдвижение лингвокреативности в фокус исследовательского внимания обусловлено несколькими причинами. Во-первых, интерес к творческой реализации языковой личности связан с антропоцентрическим поворотом в лингвистике, с исследованием человеческого фактора в языке, проблематика которого «формулировалась как круг вопросов о том, как человек воздействует на используемый им язык, какова мера его возможного влияния на него, какие участки открыты для его лингвокреативной деятельности и вообще зависят от «человеческого фактора» (Кубрякова 1995: 215).

Во-вторых, развитию лингвокреативного подхода в языкознании способствовали до-

стижения когнитологии: «Расширение трактовки креативности / творчества произошло и в когнитивной лингвистике, которая не только перенесла это понятие в сферу языка, но и усилила ментальную составляющую в исследовании этого феномена» (Ирисханова 2009: 160). Б. А. Серебренников выделяет особый тип мышления – лингвокреативное, в процессах которого «большую роль играют различного рода ассоциации» (Серебренников 1983: 108). Специфика лингвокреативного мышления «состоит в том, что оно заново членит мир» (Серебренников 2010: 203). Согласно Т. А. Гридиной, «основными особенностями лингвокреативного мышления являются: 1) оперирование языковыми единицами по законам ассоциативных сближений; 2) реализация потенциала языка в области конструирования и варьирования языковых форм и значений с учетом правил аналогии и субстанционально обусловленного свойства асимметрии плана выражения и плана содержания знака; 3) проявление тенденции к нарушению языкового стандарта в коллективной и индивидуальной речевой деятельности» (Гридина 1996: 11–12). В рамках когнитологии креативность полагается «прототипическим признаком всех человеческих действий» (Позднякова 2006: 43).

Третьей причиной актуализации понятия лингвокреативности послужили исследования поэтического языка с его «принципиальной установкой на творчество» (Фещенко 2012: 86). Лингвокреативность – имманентное свойство поэтического языка, «благодаря лингвокреативности (креативной природе языка) язык является одновременно тем «материалом» и инструментом, из которого и посредством которого возможно создание потенциально неисчисляемых продуктов словесного искусства» (Зыкова 2017: 614). Поэтический дискурс «по отношению к обыденной речи изначально обладает девиантными свойствами, так как предполагает особые условия коммуникации (отсутствие реального адресата, автокоммуникативность, двойное членение речи, расщепленную или смещенную референцию из-за метафоричности или иносказательности высказываний и др.) и особые эстетические и эвристические установки» (Фатева 2016:

19). Девиации в поэтической речи становятся языковыми новациями, реализующими творческие возможности как субъекта речи, так и самого языка.

Еще одной причиной активного распространения понятия лингвокреативности является расширение сферы творческой активности носителей языка, которая «включает в себя и язык Интернета, и медийный и рекламный дискурсы, образуя так называемую область *everyday creativity*» (Фатева 2016: 15). Homo *creativus* заявляет себя в качестве субъекта современной коммуникации, делая открытыми для лингвокреативной деятельности практически все сегменты коммуникативного пространства. «Речетворчество широких масс, или, используя предложенный нами термин, «массовый лингвокреатив», является неотъемлемой чертой нового лингвистического пространства. Это пространство формирует креативная языковая личность, создавая разного рода тексты в Интернете (активные блогеры, создатели сайтов и др.) и овладевая широко востребованными сегодня профессиями (журналисты, копирайтеры, специалисты по связям с общественностью)» (Ремчукова 2016: 159). Повседневная креативность демонстрирует, что «способность к творческим модификациям изначально заложена в любом акте вербальной коммуникации – в акте устном и письменном, научном и обыденном, в имеющем отношение к поэтическому искусству и к повседневному общению» (Ирисханова 2009: 160).

Лингвокреативность рассматривается как одно из проявлений креативности – феномена, который «входит в сферу исследовательских интересов самых разных наук главным образом гуманитарного цикла (психологии, философии, филологии, социологии, культурологии, антропологии, педагогики, искусствоведения и др.)» (Зыкова 2016: 139). Как элемент терминосистемы гуманитарных наук *креативность* вступает в деривационные отношения с другими терминами, в частности с термином *лингвокреативность*: «Появление рассматриваемого термина в языкознании связано, прежде всего, с изучением креативных (или творческих) способностей (возможностей) человека как языковой личности, а также с изучением креатив-

ного (или творческого) потенциала языка. Эти два взаимосвязанных и взаимообусловленных ракурса исследования приводят к образованию такого терминологического деривата «креативности», как «лингвокреативность» (Там же: 139).

Понятие лингвокреативности вошло в научный обиход российского языкознания под влиянием англоязычных лингвистических исследований, в которых активно разрабатывается проблематика *linguistic creativity*. В отечественном научном дискурсе термин *лингвокреативность* употребляется наряду с синонимическими понятиями *языковая креативность*, *лингвистическая креативность*, *вербальная креативность*, *речевая креативность*. В научной литературе представлены различные дефиниции рассматриваемых терминов, например:

«Вербальная креативность – одна из составляющих понятия креативности языковой личности, выявляющая способность носителя языка к творческому использованию готовых языковых форм и значений и обновлению их репертуара в условиях осознанного отступления от канонических форм речи» (Гридина, Пипко 2012: 12);

«Вербальная креативность является компонентом структуры языковых и речевых способностей» (Шульга 2013: 13);

«...лингвистическая креативность представляет собой систему знаний о языке, благодаря которой носитель языка создает новые слова, трансформирует уже существующие языковые средства с целью расширения их семантики, привлечения внимания, достижения определенного эффекта» (Базилевич 2015: 21);

«Лингвистическая креативность, так или иначе, связана с проявлением когнитивных и творческих возможностей человека в использовании языка для своих прагматических целей и имеет дело, как правило, исключительно с языковыми феноменами и языковыми знаками. <...> лингвистическая креативность есть способность создания языковых феноменов из готового языкового материала (языковая игра, метафоричность, тропеичность, фразеологичность, паремиологические инновации, сленг, жаргон и т. п.)» (Рыльщикова 2016: 10);

«...лингвистическая креативность представляет собой языковую и дискурсивную рефлексию творческих возможностей человека, имеет категориальный статус и проявляет себя в дискурсивном пространстве в виде лингвокреатива – знаков и концептов, способствующих процессам креативного дискурсообразования и дискурсоразвертывания институциональной, персональной и потребностной сфер коммуникации» (Гермашева 2016: 170);

«Лингвокреативность представляет собой, в сущности, реализацию (и / или воплощение) креативных возможностей языковой системы на самых разных ее уровнях и в отношении самых разных аспектов ее функционирования. Иначе говоря, лингвокреативность может рассматриваться как самый сложный когнитивный процесс и также «механизм» создания («в рамках нормы» или (осознанно) ненормативных) фонетических и морфологических знаков, разного рода слов и фразеологизмов, синтаксических конструкций, текстов и дискурсов, стилистических приемов и проч.» (Зыкова 2017: 628–629);

«В проекции на язык креативность выступает как способность его носителей к обновлению и расширению номинативного и коммуникативного регистров речевой деятельности, являясь, в частности, формой реализации творческой уникальности говорящих» (Гридина 2018: 14);

«В широком смысле вербальная креативность – это словесное творчество личности, в более узком смысле – это комплекс творческих способностей, проявляющихся в создании нового оригинального речевого продукта в любой его вербальной форме (устной, письменной, прозаической, поэтической, монологической, диалогической и т. д.)» (Шило 2018: 102);

«...лингвокреативность можно интерпретировать как производство нового языкового «продукта», который оптимально подходит для решения наличной коммуникативной задачи, максимально полно выражая искомый смысл, раскрывает заложенный в языке потенциал и способствует его дальнейшему развитию, способен задавать новый формат вербализации определенных

явлений и может способствовать перестройке языковой системы» (Нагорная 2019: 10);

«В своем подходе мы отталкиваемся от понятия «языковой нормы» и принимаем в качестве целостного рабочего определения две взаимообусловленные трактовки лингвокреативности с учетом этого понятия. Во-первых, лингвокреативность рассматривается нами как «абсолютное», или универсальное явление, свойственное в равной мере всем существующим типам дискурса и имеющее универсальные параметры и формы их проявления, которые в любом дискурсе распознаются как универсально креативное (= ненормативное, нестандартное, оригинальное) использование языка. Во-вторых, лингвокреативность определяется как дискурсивно обусловленное явление, которое предполагает наличие определенной специфики «действия» универсальных параметров в каждом конкретном типе дискурса и особые формы проявления в нем креативного (= ненормативного, нестандартного, оригинального) использования языка» (Зыкова, Киосе 2020: 29);

«Под языковой креативностью понимается создание новых, уникальных языковых единиц и модификация отношений между ними с целью кардинальной трансформации языковой системы и формирования нового языка (ср. с «самоценным», «самовитым» словом и заумью в футуризме или созданием нового художественного языка в художественном и поэтическом типах дискурса); активизация межуровневого взаимодействия и контекстуально обусловленных функциональных переходов (межуровневая транспозиция и «межсемиотическая» транспозиция, по Р. Якобсону); доминирование эстетической функции, ориентированной на актуализацию означающего как направленности сообщения на собственную форму; семантическое приращение (разные виды полисемии, энантиосемия), сопровождающееся понижением релевантности текста и «деавтоматизацией» сознания адресата в процессе интерпретации; метаязыковая рефлексия продуцируемых инноваций» (Сokolova 2020: 124);

«Лингвокреативность мы понимаем как процесс построения языковой системы и ее

функционирование в речевом общении, а также как реализацию креативных возможностей системы на всех ее уровнях» (Степанова 2020: 143);

«...лингвокреативность интерпретируется как лингвистическая продуктивность человеческого сознания, как неординарность его языкового самовыражения, как «проявление тенденции к нарушению языкового стандарта в коллективной и индивидуальной речевой деятельности» (Абдуллаева 2021: 377).

Представленные дефиниции включают такие гиперонимы, как *способность, возможность, процесс, создание, явление*. Большинство исследователей трактует лингвокреативность как способность языковой личности к творческому использованию языковых ресурсов, как сам процесс создания новых оригинальных языковых феноменов. В то же время необходимо отметить, что лингвокреативность становится объектом лингвистического исследования только в том случае, если она получает вербальную репрезентацию. «В современной гуманитарной науке реализуются две возможности предметизации лингвистической креативности. Согласно первой из них, лингвокреативность предстает в собственно лингвистическом ракурсе как свойство самого языка – языковой системы, речи, дискурса и т. д. Согласно второй из них, лингвокреативность рассматривается в более широком – антропологическом – ракурсе как способность человека к языкотворческой деятельности» (Постовалова 2020: 135–136). Обзор отечественных исследований, касающихся лингвокреативной проблематики, свидетельствует о доминировании антропологического подхода к определению феномена лингвокреативности.

Ближайшее семантическое окружение лингвокреативности формируют такие понятия, как новизна, инновационность, оригинальность, неканоничность, уникальность, продуктивность, эвристичность, аномальность, а в качестве ее противоположностей выступают стандартность, стереотипность, репродуктивность, каноничность, обыденность, нормативность (Фещенко 2020: 153). Положение о том, что «понятие креатив-

ности в самом общем виде включает в себя прошлые, сопутствующие или последующие характеристики процесса, в результате которого человек или группа людей создает что-либо, не существовавшее прежде» (Трик 1981: 298), фиксирует непосредственную взаимосвязь креативного и нового. Понятие новизны составляет сущность креативности, определяемой как «постоянное напряжение между фиксированностью и новизной» (Демьянков 2009: 11). Креативность и инновационность рассматриваются либо как взаимосвязанные феномены, либо как часть и целое (Минюрова 2009: 75).

Важным понятием для определения природы лингвокреативности является девиантность, степень которой «привязана к шкале отступления от нормы и обычных представлений о правильности языкового выражения» (Фатеева 2016: 20). С девиантностью сопряжена проблема соотношения лингвокреативности и языковой нормы. Различные точки зрения на данную проблему можно «свести к двум наиболее распространенным в настоящее время подходам» (Зыкова 2017: 601). В рамках одного из этих подходов лингвокреативность и языковая норма анализируются в их взаимосвязи, при этом стихийная коллективная лингвокреативная деятельность рассматривается в качестве источника формирования языковых стандартов. Другой подход базируется на противопоставлении языковой нормы и лингвокреативности, в основе которого лежит понимание лингвокреативной деятельности как сознательного целенаправленного индивидуального (как правило) нарушения языкового канона для решения эстетических или прагматических задач. Перспективной представляется идея создания интегрированного подхода, который позволит исследовать феномены лингвокреативности и языковой нормы «в их диалектическом и взаимодействующем единстве» (Зыкова 2017: 605).

Предметом научной дискуссии является вопрос о соотношении понятий (лингво)креативности и (языко)творчества. За пределами научного дискурса лексемы *креативный* и *творческий* употребляются синонимично, однако дифференцируются стилистически: «при освоении русским языком анализируе-

мых заимствований слова *креативный*, *креатив* воспринимаются двояко: с одной стороны, как синонимы лексемам *творческий*, *творчество*, с другой стороны, как стилистически сниженные, сленговые варианты русских слов высокого стиля» (Вепрева 2009: 120). В научной литературе *креативность* и *творчество* рассматриваются с двух точек зрения:

1) как тождественные понятия: «Для некоторых гуманитарных подходов характерна тенденция к отождествлению креативности и творчества, приводящая часто к замещению категории творчества категорией креативности» (Постовалова 2020: 134). Так, Б. Ю. Норман, расширяя разработанный Р. О. Якобсоном «канонический» перечень языковых функций, вводит в научный обиход еще одну функцию, связанную с положением дел, «при котором языковые сущности оказываются первичными по отношению к сущностям внеязыковым, то есть к явлениям объективной действительности», и называет ее «креативной, или творческой» (Норман 1997: 166). Констатируя взаимозаменяемость понятий лингвокреативности и языкового творчества, исследователи тем не менее отмечают и возможность их дифференциации: «в строго терминологическом смысле следовало бы по отношению к языковой деятельности – с учетом разнообразия ее творческих проявлений, – применять термин «лингвокреативность». Однако лингвистическая традиция и поиск синонимической конструкции для замещения данного термина привели к необходимости в рамках нашего исследования употреблять понятия «лингвокреативность» и «языковое творчество» как взаимозаменяемые» (Халеева, Ирисханова 2011: 5–6); «на современном этапе развития лингвистики и лингвопоэтики эти понятия во многом совпадают за исключением того, что в понятии «языковая креативность» присутствует не только смысл процессуальности, но и смысл, связанный с нереализованным потенциалом языковой системы, с обновлением имеющегося арсенала языковых средств» (Фатеева 2016: 15); «синонимическое использование лексем *творчество* и *креатив* (*креативность*) открывает заманчивую возможность их терминологического разведения, при ко-

тором за понятием *творчество* могла бы быть оставлена область необычного, а за понятием *креатив* – сфера стандартного: автоматизированные операции (в том числе инерционные языковые трансформации), движущиеся в русле языковой данности» (Векшин 208: 50);

2) как нетождественные, но взаимосвязанные понятия. Различие понятий креативности и творчества проводится по разным основаниям. Критерием разграничения может служить коммуникативная направленность: «если творчество направлено на самовыражение субъекта, то креативность – на воздействие на массы» (Фещенко 2020: 155); прагматический компонент: «в отличие от бессознательности творческой активности, в креативности заложено понимание, что и зачем нужно создавать» (Фатеева 2016: 15); субъектно-личностная / социокультурная значимость: «Креативность связывается с образованием субъектно-личностной новизны и значимости, а творчество рассматривается как более общее понятие, отражающее и процессы взаимодействия новизны, порождаемой субъектом деятельности, с существующим социокультурным контекстом. Креативность рассматривается как построение новых возможностей для субъекта, а творчество – как создание новых возможностей для культуры, как культуросозидание, создание новых культурных форм, изменение системы культурных кодов» (Горбунова URL); категориальный статус: «Творчество понимается онтологически, креативность – социально-психологическая категория» (Азарова 2008: 160).

Концепты *креативность* и *творчество* разводятся не только синхронно, но и диахронно: «Во взаимодействии концептов *творчество* и *креатив* в начале XXI века выявляется определенная динамика: на первом этапе наблюдается постепенное вытеснение из разного типа дискурсов *творчества* и замена его *креативом*, а затем, наоборот, некоторая утрата *креативом* позиций, смещение его в область терминологии и частичное возвращение *творчества*. Социальная динамика употребления концептов *творчество* и *креатив* (*креативность*) в связи с кризисом, когда *креатив*, не подразумевающий систем-

ного мышления, исчезает из общественной риторики, показывает, что следует ожидать некоего возврата концепта и слова *творчество* в широкую дискурсивную практику» (Азарова 2016: 35). В плане развития терминосистемы показательна миграция терминов творчества в креативность (Азарова 2008: 162). В широком социокультурном контексте рубеж XX–XXI вв. провозглашается креативной эпохой: «Креативность стала ключевым фактором развития экономики и общества» (Флорида 2016: 30), наступление которой является следствием «трансформации творчества в креативность» (Зыкова 2017: 552),

Лингвокреативная деятельность проявляется в широком спектре речевых действий, «от спонтанной словотворческой креативности ребенка до преднамеренной языковой игры и других видов вербальной креативности в разнообразных дискурсивных практиках личности и социума, достигая своего апогея в художественном творчестве» (Устинова 2018: 214). Лингвокреативность реализуется в разных типах дискурсов и текстов внутри каждого дискурса «в виде градуальных отношений – от большей степени к меньшей» (Соколова 2020: 125), в связи чем можно говорить «об условной шкале лингвокреативности» (Халеева, Ирисханова 2011: 14). При этом «все случаи функционирования языковых выражений образуют некий креативный континуум: от минимальной степени креативности, близкой к нулю (например, прямое название предметов, обращение к людям по именам или клишированное приветствие), до авторских метафор, эпитетов и пр. в художественных произведениях» (Ирисханова 2009: 161). Максимальное проявление лингвокреативности характерно для поэтического дискурса. В то же время исследователи отмечают, что «говорящие никогда не доходят до крайности, т. е. до абсолютной новизны или до полного отсутствия креативности (ведь даже самое рутинное высказывание есть результат нетривиального выбора между альтернативными языковыми средствами и оценки множества параметров определенного акта семиозиса)» (Халеева, Ирисханова, Волоскович 2011: 55). Для оценки дискурса с точки зрения его положения на единой шкале

лингвокреативности может использоваться «комплексная процедура параметрического аннотирования и статистической обработки, завершающаяся реконструкцией векторной модели лингвокреативности дискурсов» (Киосе 2020: 113).

Классификация типов лингвокреативности проводится по разным параметрам. В основе наиболее распространенной типологии лежит принцип языкового воплощения креативности, в соответствии с которым выделяют просодическую креативность, лексическую креативность, фразеологическую креативность, словообразовательную креативность, синтаксическую креативность, стилистическую креативность, дискурсивную креативность и др. (Зыкова 2017: 629). Исследователи выделяют участки повышенного напряжения в языковой системе, в которых наиболее интенсивно «проявляется лингвокреативный потенциал человеческого мышления» (Ирисханова 2004: 46). Основным узлом реализации креативности в языке выступает лексика. В то же время несомненный интерес вызывает изучение грамматической креативности: «По отношению к грамматике еще в большей степени, чем по отношению к другим ярусам языка, важно такое понимание речетворчества, в котором проявляется и индивидуальность языковой личности, и процесс обнаружения потенциала языка, не реализованного не только в норме, но и в узусе» (Ремчукова 2005: 42–43).

В соответствии с функциональным критерием различают «лингвокреативность различных типов текста (дискурса) – художественной литературы, публицистики, бытовой речи и пр. По-разному проявляет себя способность говорящих к языковому творчеству в письменной и устной речи, в семиотически полимодальных и мономодальных текстах. Наконец, характер и способы осуществления творческих актов меняются в зависимости от типа и характера конкретных коммуникативных актов и событий» (Ирисханова 2009: 169).

Характер изначального стимула позволяет разграничить лингвокреативность содержания и лингвокреативность формы. В первом случае в роли стимула выступают

изменения в реальной действительности и / или в наших представлениях о ней. Во втором случае «отправной точкой для создания знака служит другая языковая форма: например, словообразование по аналогии с другим словом, пародия на стихотворение и др.» (Ирисханова 2009: 169).

В зависимости от универсальности / специфичности реализации лингвокреативности выделяются такие ее типы, как языковая и дискурсивная (О. В. Соколова), в иной терминологии – универсальная и дискурсивно обусловленная (И. В. Зыкова, М. И. Киосе). Лингвокреативность первого типа (языковая, универсальная) свойственна всем типам дискурса и имеет «универсальные параметры и формы их проявления» (Зыкова, Киосе 2020: 29). Лингвокреативность второго типа (дискурсивная, дискурсивно обусловленная) присуща конкретным типам дискурса и понимается как «обновление на уровне микроструктуры дискурса (в терминологии Т. ван Дейка) с помощью интенсификации тех или иных языковых приемов, априированных из дискурсов» (Соколова 2020: 124).

Тип субъекта лингвокреативной деятельности выступает критерием разграничения индивидуальной, коллективной и массовой лингвокреативности (Фещенко 2020: 167).

В качестве особого типа языкотворческой деятельности выделяется эвристическая лингвокреативность: «можно предложить понятие эвристической лингвокреативности как относящееся только к тем языковым практикам, которые нацелены на получение нового знания. По отношению к более общему понятию лингвокреативности оно было бы видовым, т. е. не исключало бы более общего смысла, но ограничивало бы его особым, инновационно-изобретательным вектором креативности в языке и дискурсе» (Фещенко 2020: 61). Эвристическая лингвокреативность реализуется в научном и художественном дискурсах.

Базовым конститутивным признаком научно-фантастического дискурса признается лингвосомиотическая креативность (А. В. Олянич, Л. М. Рыльщикова, К. В. Худяков), которая определяется как «способность творческой персоны (писателя и рассказчика) создавать языковые знаки фантастиче-

ской реальности (гиперреальности будущего), давать им функционально нагруженные определения и формировать для их актуализации особую коммуникативную среду (художественные произведения научно-фантастической тематики). Лингвосомиотическая креативность – это также и когнитивная категория, представляющая собой способность любого человека творчески и ментально освоить материальную действительность, при этом обнаружив в ней объекты и феномены, нуждающиеся в усовершенствовании, или прогнозировать создание новых объектов / феноменов, отвечающих растущим потребностям человека, чтобы затем семиотизировать воображенные объекты / феномены, воплотив их образы в вербальные и невербальные знаки» (Рыльщикова 2016: 10).

От рассмотрения общих вопросов, связанных с языкотворческой деятельностью, перейдем к обзору основных концепций лингвокреативности, сложившихся в рамках таких направлений современного русского языкознания, как **когнитивная лингвистика, лингвокультурология, креативная стилистика и лингвистика креатива.**

Когнитивная концепция лингвокреативности складывалась под влиянием идей Н. Хомского, рассматривавшего языковое творчество как отражение универсальных мыслительных процессов, а языковую способность – как «повседневный творческий процесс порождения языковых форм, которые производятся или интерпретируются впервые» (Ирисханова 2009: 159). Расширение трактовки лингвокреативности в когнитивной лингвистике велось по нескольким направлениям: изучались вопросы творческого конструирования мира с помощью языковых единиц; была выделена ориентирующая, мирозозидающая функция языка; метафора была провозглашена средством познания действительности и инструментом организации человеческого опыта; была описана роль механизма концептуальной интеграции в процессе порождения новых значений (Там же: 160).

В концепции О. К. Ирисхановой лингвокреативную деятельность определяют рассматриваемые в динамическом аспекте дихотомии:

1) индивидуальное и коллективное (социальное). Прослеживается переход от индивидуальной трактовки творчества к социальной, подтверждением чему служит теория интертекстуальности, в которой смыслопорождение предстает как процесс и результат взаимодействия интенций авторов и читателей, а подлинным субъектом творческой деятельности становится сам текст. Социальная природа языкотворчества постулируется и в теории речевых актов с ее понятием коллективной интенции как социальной когнитивной структуры, ориентированной на совместное конструирование значений;

2) поверхностное (формальное) и глубинное (когнитивное): «Переход от формальных к глубинным аспектам речетворчества обычно ассоциируют с так называемым «хомскианским поворотом». Н. Хомский в генеративной грамматике впервые говорит о возможности реконструировать творческие мыслительные процессы на основе наблюдаемого языкового материала» (Ирисханова 2004: 25). Разграничение языковой способности (знания говорящего о языке) и языкового поведения (использования языка в конкретной ситуации) базируется на фундаментальном противопоставлении языка и речи. В отечественной лингвистике, согласно О. К. Ирисхановой, отсутствует жесткое искусственное противопоставление языка и речи, что обеспечивает большую реалистичность концепции;

3) композиционное и интегративное. Переход от композиционности (понимания значения целого как суммы значений элементов) к интегративности (понимания значения как результата сложного взаимодействия разнообразных факторов: структурных, семантических, прагматических и др.) в построении нового значения не отменяет композиционность, но расширяет ее трактовку. В качестве когнитивного основания лингвокреативной деятельности человека полагается принцип концептуальной интеграции: «создание нового значения представляет собой не столько манипулирование заранее заданными ментальными репрезентациями,

сколько активный процесс установления разнообразных связей между ментальными пространствами, в которых происходит интеграция различных аспектов информации – как долговременной, так и актуальной» (Ирисханова 2004: 36–37). По мнению В. И. Заботкиной, когнитивный механизм концептуальной интеграции лежит в основе словослияния (блендинга) и метафорической деривации – способов создания лексических единиц, обладающих наибольшим креативным потенциалом (Заботкина 2019: 213).

В. И. Заботкина рассматривает лингвокреативность в триаде *язык – креативность – когниция*, анализируя данную триаду в двух аспектах: 1) «с точки зрения креативности языковой системы; 2) с точки зрения креативности языковой личности» (Заботкина 2019: 210). Представленные аспекты эксплицируют основополагающую дихотомию – «креативность в языке vs. креативность языковой личности» (Заботкина 2018: 22).

Исследования когнитивных механизмов, лежащих в основе лингвокреативной деятельности, проводятся как с точки зрения кодирования информации адресантом, так и с точки зрения декодирования ее адресатом (Шмелева 2020: 84). Языковая креативность адресанта обеспечивается действием механизмов девиации (отклонения) и аналогии. Выделяются три типа девиации: «прагматическая (нарушение отношения знак – пользователь); семантическая (нарушение отношения знак – референт); концептуальная (нарушение отношения между концептуальными структурами исходного и нового значений)» (Заботкина 2019: 210). Когнитивная операция аналогии связана с креативным потенциалом языковой личности: чем он больше, тем быстрее устанавливаются разного рода ассоциативные связи.

Со стороны адресата ведущим когнитивным механизмом лингвокреативности выступает инференция: «В процессе речи говорящий / пишущий как бы приглашает слушающего совершить операцию инференции и выявить тот новый нюанс смысла, который говорящий вложил в традиционное значение слова, употребив его в нетипичном контексте» (Заботкина 2019: 212). Инферен-

ция находится в гиперо-гипонимических отношениях с наследованием – когнитивной процедурой передачи «определенного объема концептуальной информации, заключенного в исходном значении слова, новому значению» (Там же). Е. С. Шмелева считает необходимым рассматривать когнитивный механизм инференции во взаимосвязи с феноменом когнитивного диссонанса, возникающего в случае затруднений или отсрочки интерпретации адресатом полученной информации (Шмелева 2020: 82).

Перспектива развития когнитивной теории лингвокреативности связана с интеграцией когнитивной лингвистики и лингво-семиотики для исследования связи «между способностью человека к лингвокреативности, семиотической сущностью языка и особенностями когниции» (Ирисханова 2009: 162). Структура семиозиса обуславливает природу и многообразие проявлений лингвокреативной деятельности и позволяет выделить зоны креативности: онтологическую (стимул языкотворческой деятельности – изменения в мире и социуме); эпистемологическую (стимулом языкотворчества становятся изменения картины мира в целом и ее фрагментов); формально-языковую (стимулом языкотворческой активности является тело знака). «По-видимому, состояние творческого возбуждения, подобно любым сигналам нейронов мозга, обладает свойством распространяющейся активации, поэтому все три зоны взаимосвязаны» (Ирисханова 2009: 166). В структуре лингвосемиозиса, по мнению О. К. Ирисхановой, отражены и основные противоречия, накладывающие когнитивные ограничения на языкотворчество. Это противоречие между объективностью изменений в реальной действительности и субъективностью их восприятия носителем языка; противоречие между индивидуальным характером лингвокреативного акта и его включенностью в социокультурную среду; противоречие между конвенциональностью языковых структур и постоянно меняющимися условиями производства речи. «В целом, существование нескольких зон лингвокреативности, в которых могут запускаться когнитивные механизмы языкового творчества, наличие комплекса противоре-

чий в акте семиозиса, которые обуславливают возможность постоянного пересмотра семиотических отношений и определяют направление нововведений, – все это позволяет рассматривать языковое творчество как континуум разнообразных нововведений» (Там же: 168).

Синтез когнитивного и семиотического подходов к лингвокреативной деятельности способен возвести термин *лингвокреативность* в ранг центральной метаязыковой единицы лингвистики.

Выход на уровень метаописания обусловлен метаязыковой рефлексией как формой самосознания науки (Постовалова 2017: 13). Становление **лингвокультурологии** в качестве особой интегративной дисциплины, исследующей взаимодействие языка и культуры, связано с построением метаязыковой системы, что вызвано потребностью «в инвентаризации состоящих на службе лингвокультурологии понятийно-терминологических средств, в систематизации и конвенционализации (или стандартизации) ее наличного понятийно-терминологического инструментария» (Зыкова 2017: 27). Поставив перед собой задачу выработать единый метаязык лингвокультурологического общения, И. В. Зыкова решает ее с помощью выделения базисных операциональных метаединиц – констант лингвокультурологической науки. Терминологический аппарат лингвокультурологии задается объектом ее исследования, представленным триадой *язык – культура – личность*. Ядро метаязыковой системы лингвокультурологии формируют семь констант: ЛИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА, КОНЦЕПТОСФЕРА КУЛЬТУРЫ, (ЛИНГВО) КУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ, КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ, КУЛЬТУРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ и ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ.

Как отмечает И. В. Зыкова, «в силу своей специфики и той особой и вместе с тем ведущей роли, которую понятие «лингвистическая креативность» выполняет в изучении центрального блока проблем, связанных с порождением двух глобальных знаковых систем – языка и культуры и их интеракции, ключевой фигурой в которой выступает личность, данное понятие не могло не войти в число базисных или константных единиц

метаязыка лингвокультурологии» (Зыкова 2017: 558–559). По мнению исследователей, «креативное измерение языка и культуры выдвигается в ведущую позицию лингвокультурологии» (Ничипорович 2008: 193).

Константа ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ определяется как «способность глубинных (концептуальных) оснований (как результатов познания мира), реализуемая коллективной личностью (социумом, народом) и индивидуальной личностью (отдельным представителем социума, народа), системно порождать разнородные знаки языка, способствуя развитию или эволюционированию последнего, и обеспечивать процесс их коммуникативной адаптации к построению прагматически ориентированного дискурса, в ходе которого базовые формы языковых знаков могут подвергаться разного рода преобразованиям, т. е. модифицируются» (Зыкова 2017: 638). Под глубинными основаниями понимаются культурно обусловленные основания разнородных языковых знаков, составляющих языковую систему.

Микросистема константы ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ включает несколько разнородных вариантных рядов: 1) ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ < КРЕАТИВНОСТЬ vs. ТВОРЧЕСТВО; 2) ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ vs. ЯЗЫКОВАЯ НОРМА, ЯЗЫКОВОЕ КЛИШЕ; 3) ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ vs. СЛОВЕСНОЕ (ВЕРБАЛЬНОЕ) ИСКУССТВО, ЯЗЫКОВАЯ ИГРА, ЯЗЫКОВОЙ ЭКСПЕРИМЕНТ (Зыкова 2017: 182).

Остановимся подробнее на соотношении понятия лингвокреативности с понятиями словесного искусства, языковой игры и языкового эксперимента. Словесное искусство, включающее устное народное творчество и письменные авторские произведения художественной литературы, предстает как высшее проявление лингвокреативности, как наилучшее использование креативных ресурсов языка. Лингвокреативность, в свою очередь, служит источником создания произведений словесного искусства: «Именно благодаря лингвокреативности (креативной природе языка) язык является одновременно тем «материалом» и инструментом, из которого и посредством которого возможно создание потенциально неисчисляемых про-

дуктов словесного искусства» (Зыкова 2017: 614).

Языковая игра рассматривается как комплексный феномен, представляющий собой одновременно и особое языковое поведение, и способ (или технику) реализации креативного потенциала языка, и конкретный продукт языкотворчества, при этом все ее проявления характеризуются высоким уровнем метаязыковой рефлексии, что сближает языковую игру и со словесным искусством, и с языковым экспериментом (Там же: 618).

Понятие языкового эксперимента связано как с научной, так и с практической сферой. Языковой (лингвистический) эксперимент в науке выступает в качестве метода изучения языковых фактов и верификации лингвистических теорий, обнаружения и актуализации языковых потенциалов. В практической сфере языковой эксперимент «становится одним из весьма важных художественных приемов или техник, направленных на достижение интеллектуального, эстетического и проч. Эффектов; а также на так называемую проверку опытным путем креативных возможностей и границ языка» (Зыкова 2017: 622).

Интегральным признаком феноменов лингвистической креативности, словесного искусства, языковой игры и языкового эксперимента является ориентированность на метаязыковую рефлексивность. Дифференциальным признаком рассматриваемых явлений служит их отношение к узусу, субъекту и языковой норме: лингвокреативность не имеет ограничений ни в одном из этих параметров; языковая игра также отличается широким узусом и не имеет субъектных ограничений, а ее отношение к норме двояко: она может строиться как на соблюдении, так и на нарушении нормы; языковой эксперимент, равно как и словесное искусство, характеризуется узким узусом и ограниченным субъектом, при этом лингвистический эксперимент в науке ориентирован на мониторинг нормы, в то время как языковой эксперимент в художественной литературе направлен на деструкцию нормы.

Словесное искусство, языковая игра и языковой эксперимент выступают в качестве способов и продуктов реализации лингво-

креативности, относятся к ней как понятия частного порядка к обобщающему понятию. Таким образом, «можно заключить, что исследуемые понятия совпадают в определенной части своего содержания, а потому могут взаимозаменять друг друга в отдельных случаях или соответствующих контекстах. При этом только для понятия «лингвокреативности» такого рода «взаимозамена» в отношении к каждому из трех других понятий имеет регулярную основу» (Зыкова 2017: 627).

В рамках лингвокультурологии проводится исследование фразеологической креативности (фразеокреативности), направленное на анализ концептуальных (глубинных) оснований фразеологических единиц. Цель анализа заключается в выявлении и описании «общих культурно детерминированных механизмов как системного продуцирования фразеологизмов по мере эволюционирования языка, так и их дискурс(ив)ного употребления, в ходе которого фразеологические знаки подвергаются разного рода преобразованиям, или модифицируются» (Зыкова 2017: 631). В результате анализа установлено, что концептуальными основаниями значений фразеологических оборотов являются макрометафорические концептуальные модели – сложные культурообусловленные концептуальные структуры. Их лингвокреативный потенциал обусловлен тремя особенностями: 1) сложным внутренним иерархическим устройством; 2) концептуальной полиметафоричностью и полиметонимичностью; 3) высокой степенью абстрактности. Макрометафорическая модель рассматривается как одна из движущих сил лингвокреативного процесса (Там же: 633).

Концепция лингвокреативности, сложившаяся в отечественной лингвокультурологии, позволяет утверждать, что «понятие «лингвокреативность» как таковое (во всем его видовом разнообразии) является необходимым, значимым и органичным элементом целостной метаязыковой системы лингвокультурологической науки» (Зыкова 2016: 150).

Если в рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии лингвокреативность занимает одну из ведущих позиций в составе

их метаязыковых единиц, то для креативной лингвистики и лингвистики креатива понятие лингвокреативности является дисциплиноформирующим.

Разрабатывая основные положения **креативной стилистики**, Н. А. Купина опирается на идеи В. П. Григорьева, который считал необходимым расширить традиционную семиотическую триаду семантики, синтактики и прагматики четвертым измерением языка – эстетико-эвристическим, воплощающимся в полной мере в поэтическом языке как языке «с установкой на эстетически значимое творчество» (Григорьев 1979: 76–78). Широкая трактовка поэтического языка позволяет противопоставить его языку практическому на основании отсутствия / наличия автоматизма в процессах производства и восприятия речи: «Поэтический язык – это язык творца креативом, в то время как практический язык – это язык пользователя, автоматически употребляющего языковые стандарты» (Купина 2012: 25). Базовым понятием креативной стилистики является *креатема* – термин, введенный В. П. Григорьевым и «мотивированный именно творческим отношением к языку» (Григорьев 1979: 76). Под креатемами как основными единицами поэтического языка в его широком истолковании понимаются «преднамеренно отобранные или преобразованные средства, а также новообразования, нацеленные на создание эстетического впечатления» (Купина 2013: 314). Исследователи отмечают, что в трактовке Н. А. Купиной *креатема* предстает как единица, основное свойство которой – окказиональность, в то время как в интерпретации В. П. Григорьева *креатема*, *экспрессема* и *эвристиема* рассматриваются с точки зрения их парадигмальности (Фатеева 2016: 18).

Объект креативной стилистики – произведение речи в ее функциональных и жанровых разновидностях, хотя бы частично отмеченные авторской индивидуальностью. Предмет наблюдения – являющиеся результатом преднамеренного использования язык как системы возможностей языковые предпочтения, преобразования, новации. <...> Задача креативной стилистики – выявление креативной составляющей образа автора в текстах разных типов» (Купина 2016: 132).

Иначе задача дисциплины формулируется как «выявление эстетически значимых элементов в речевых произведениях разных стилей и жанров (Купина 2013: 214).

В основе креативной стилистики лежат принципы системности, историзма и функциональности. Системность предполагает рассмотрение отдельной креативной единицы и текстовых блоков, отмеченных креативностью, на фоне языковой системы. «Условием реализации принципа системности является синхронный уровневый анализ, позволяющий установить эстетически значимые сдвиги в произведениях речи, оценить авторские находки и неудачи, выявить повторимое (заданное языковой системой) и неповторимое (обусловленное креативной индивидуальностью автора), описать текст как особо организованную систему систем» (Купина 2013: 326).

Принцип историзма реализуется в сочетании синхронного анализа результатов лингвокреативной деятельности и диахронного сравнительного подхода. Синхронный анализ включает три временных измерения: 1) время создания текста; 2) отраженное в тексте время и 3) время восприятия речевого произведения.

Специфика функциональности креативной стилистики обусловлена своеобразием предмета исследования: если традиционная функциональная стилистика ориентирована на изучение общих параметров и норм стиля, то креативная стилистика – на исследование авторской речевой индивидуальности. «Оппозиция нормативности и креативности мотивирует трансформацию основных принципов функциональности – антропоцентризма, опоры на стилистический узус, координации общего и отдельного, коммуникативно-прагматической направленности речевого творчества» (Там же: 327).

Исследования идиостиля наиболее наглядно демонстрируют действие принципа антропоцентризма. Интерпретация авторского стиля нацелена на выделение индивидуальных речевых предпочтений (и отталкиваний), на выявление в тексте креатива и их комплексном анализе, на истолкование эстетической значимости преднамеренных речевых аномалий, на построение типоло-

гии идиостиля. Важной составляющей креативной стилистики является лингвостилистическая портретистика, в рамках которой «осуществляется описание речевого почерка «человека частного» и реконструкция собирательных (статусно-ролевых) портретов. Сохраняя антропоцентричность, лингвостилистическая портретистика сближается с психолингвистикой и социолингвистикой» (Там же: 337). Креативную стилистику рассматривают как направление, имеющее отношение к «актуальным в настоящее время исследованиям в области лингвоперсоналогии» (Вознесенская 2019: 19).

Опора на стилистический узус предполагает анализ креативной речевой деятельности в контексте сложившейся в определенное время практики использования маркированных языковых средств. Так, в текстах художественной литературы стилистический узус воспроизводится такими тремя основными способами, как реалистический, сатирический и натуралистический.

Координация общего и отдельного проявляется в выявлении авторской речевой индивидуальности на фоне языковой системы и целого спектра экстралингвистических факторов: эстетической конвенции, темы, жанра.

Коммуникативно-прагматическая направленность речевого творчества связана с интенциональностью как отдельных речевых актов, так и целых текстов, со стремлением адресанта воздействовать на адресата для достижения перлокутивного эффекта. Деятельностный подход к коммуникации сближает креативную стилистику и прагматическую лингвистику.

Из положения о том, что «типичные позиции адресанта (в нашем случае – субъекта креативной речевой деятельности) и адресата различны в разных сферах коммуникации» (Купина 2013: 371), вытекает различие в формах проявления лингвокреативности в разных сферах функционирования языка. Наиболее полно креативный потенциал языка реализуется в текстах художественной литературы; «в той или иной мере эстетическая функция может проявляться в других стилях – прежде всего в текстах разговорных, публицистических, религиозных» (Там

же: 409). При этом отмечается, что «креатема в текстах газетных, проповеднических, реже – в научных и официально-деловых – реализует эстетическое значение, оказывающееся второстепенным по отношению к типовой функции, которая объединяет произведения определенного функционального стиля» (Купина 2016: 134), «в произведениях официально-делового стиля речи креатема воспринимается как инородный элемент; в текстах воздействующих стилей креатема, обеспечивающая эстетическое впечатление, органична» (Там же: 135).

Воздействие производителя речи на адресата осуществляется с помощью креатем-регулятивов, обеспечивающих запланированные адресантом эмоционально-эстетические реакции и / или практические действия адресата. Регуляция восприятия осуществляется как отдельными креатемами, так и группами креатем, а также текстами-регулятивами, которые: «а) усиливают эстетическую функцию текстового целого; б) обуславливают или маскируют коммуникативно-прагматическую функцию; в) формируют дополнительную функцию (например, психотерапевтическую). Креатемы-регулятивы способствуют реализации коммуникативных намерений автора речи, установлению реального или внушаемого коммуникативного равенства адресанта и адресата, установлению фактического «верховенства» адресанта, замаскированного «верховенства» адресата» (Купина 2013: 385).

Г. А. Копнина и А. П. Сковородников предлагают ввести в научный оборот креативной стилистики уточняющий термин *лингвокреатема*, обозначающий языковые / речевые единицы, которые возникают в результате речетворческой деятельности и могут быть выражены словом, словосочетанием, предложением, сложным синтаксическим целым (Копнина, Сковородников 2014: 101). В зависимости от целей речевого творчества – эстетических или прагматических, практических (например, рекламных, коммерческих, имиджевых, идеологических) – учеными выделяются два типа креативной деятельности: эстетико-ориентированная и практико-ориентированная. Наряду с лингвокреатемой вводится термин *псевдолингво-*

креатема, понимаемый как стилистический прием, созданный путем отступления от языковых / речевых норм и не обладающий эстетической и / или прагматической значимостью. «Предложенный термин «псевдолингвокреатема», обозначая разновидность речевого недочета, экономит речевые усилия в обозначении соответствующих недочетов (ср.: неудачное построение стилистического приема / тропа или фигуры), а также, выступая антонимом термина «лингвокреатема» и обладая словообразовательным потенциалом, органично вписывается в терминологию стилистики креатива» (Там же: 102).

Продуктивным представляется поиск точек соприкосновения креативной стилистики и эколлингвистики: «проблематика речевого / языкового творчества является одним из существенных аспектов эколлингвистики, поскольку благополучие языка требует не только его защиты, но и его совершенствования» (Копнина, Сковородников 2014: 102). Взаимосвязь двух лингвистических дисциплин прослеживается в рассмотрении фактов языка и речи с точки зрения экстралингвистических факторов, этических и эстетических; в разработке таких критериев оценки лингвокреативной деятельности и ее результатов, как новизна, культурная ценность, неожиданность, оригинальность, полезность, целесообразность, выразительность, запоминаемость, благозвучие и др.; в изучении приемов, обеспечивающих запланированные адресантом эмоционально-эстетические и поведенческие реакции (ср.: креатемы-регулятивы), и способов речевого манипулирования с помощью прагматически ориентированных креатем.

Креативную стилистику рассматривают либо как самостоятельную дисциплину, либо как составную часть **лингвистики креатива** – научного направления, в становлении и развитии которого приняли активное участие ученые из Екатеринбурга во главе с Т. А. Гридиной. Лингвистика креатива, или креативная лингвистика, изучает «творческое использование языковых средств в различных дискурсивных практиках, а также пути и способы формирования лингвокреативного мышления» (Копнина 2014: 272), исследует «деканонизированное речевое по-

ведение языковой личности в свете дихотомии «системное – асистемное (аномальное)», уделяя особое внимание описанию стратегий речетворчества как многофакторных процедур моделирования и дешифровки нестандартного кода интерпретации знака» (Устинова 2018: 213). В рамках лингвистики креатива разрабатывается особый раздел – креативная грамматика, «в которой как единый комплекс могут быть представлены изобразительные и оценочные ресурсы морфологии, словообразования и синтаксиса в рамках продуктивных моделей языка. Такая грамматика является важной составляющей лингвистики креатива» (Ремчукова 2009: 246). Одной из основных задач, стоящих перед креативной грамматикой, является описание креативного потенциала грамматических категорий (Богатырева 2008: 3).

Включенное в состав названия дисциплины понятие *креатив* требует конкретизации, поскольку в лингвистике представлены различные толкования этого термина. В антропологической интерпретации *креатив* предстает в качестве «личностного начала в разного рода креативных или творческих процессах и личностного потенциала в креативной или творческой деятельности» (Зыкова 2017: 549) и рассматривается как синоним лексем *творец, креатор*. В типологии языковых личностей, основанной на соотношении нормы и креативности, выделяются лингвонормативы и лингвокреативы: если в структуре лингвонормативов преобладает регулятивный подход к использованию языковых средств и к коммуникации в целом, то в структуре лингвокреативов доминирует «творческий подход к употреблению языкового материала и коммуникации» (Седых 2005: 13).

В ином понимании креатив противопоставляется творчеству как феномен массовой коммуникации, ориентированный на прагматику адресата и ставящий своей целью создание успешного бренда, в то время как творчество связано с межличностной коммуникации и прагматикой субъекта (Фещенко 2008: 147). Оппозиция креатива и творчества включается в такой ряд дихотомий как массовое и индивидуальное, стандартное и необычное (Векшин 2018: 50),

тиражируемое и уникальное. Основной сферой функционирования креатива в таком понимании становится рекламный дискурс.

С другой стороны, креатив соотносится с креативностью: «под *креативностью* понимается сам процесс речетворчества, а под *креативом* – его результат» (Ремчукова 2016: 160). Т. А. Гридина считает данные понятия «содержательно соотносительными применительно к проявлению творческого потенциала личности (в том числе в сфере языкового творчества). Пространство языкового креатива обнаруживается в разных видах лингвокреативной деятельности носителей языка, проявляя инициативу языковой личности как в создании «прецедентов новизны» (например, в сфере художественного творчества), так и в способности к реализации креативной идеи в прагматических целях (см., например, применение креативных языковых «техник» в сфере рекламной коммуникации и т. п.). Это дает основания для выделения лингвистики креатива как области изучения разных форм проявления вербальной креативности» (Гридина 2013: 5–6). Таким образом, креатив охватывает все области проявления речетворческой деятельности носителей языка, и, как следствие, в исследованиях по лингвистике креатива «описываются «креативные языковые техники» в повседневной речи, художественном творчестве, рекламе, в СМИ и др. сферах функционирования языка» (Копнина 2014: 272).

Центральным понятием лингвистики креатива является *языковая игра*, в которой исследователи видят наиболее очевидное проявление лингвокреативности (Писанова 2011: 91). Лингвокреативность и языковая игра рассматриваются как соположенные, но не тождественные феномены: «Игровая составляющая не исчерпывает диапазона креативных практик личности в разных видах деятельности, в том числе и речевой. Вместе с тем креативность – обязательная составляющая языковой игры как особой формы адогматичного речевого поведения» (Гридина 2020: 14). Выделяются следующие отличительные особенности языковой игры: 1) наличие эстетической составляющей; 2) частая сопряженность с комическим эффектом;

3) обоснованность внутренними свойствами самого языка (Норман 2006: 7–10). Языковая игра определяется как форма «деканонизированного речевого поведения говорящих, реализующая прагматические задачи коммуникативного акта с установкой на творчество (творческое использование языковых ресурсов, новая речевая комбинация языковых средств» (Гридина 1996: 7). Эксплуатация асимметричного дуализма языкового знака и нарушение системных отношений между знаками признаются основными механизмами реализации языковой игры. Будучи формой лингвокреативного мышления, языковая игра «заключается в активизации креативных факторов речемыслительного процесса, требующих и от отправителя сообщения, и от интерпретатора способности к комбинированию элементов уже известного знания на ассоциативной основе в новые ассоциативные системы, которые отвечают условиям функционирования слова в игровом поле» (Там же: 193). Под игровым полем понимается нестандартный ассоциативный контекст интерпретации языкового знака. Основной функцией языковой игры Т. А. Гридина считает эвристическую, активизирующую способности субъекта речи к постановке и решению нестандартных лингвистических задач.

Единица лингвокреативности обозначается термином *игрема* или *игровая трансформация*: «Мы предпочитаем употреблять термины *игрема* и *игровая трансформация* как мотивационно прозрачные в плане их содержательной наполняемости и соотносительные именно с игровым креативным дискурсом (преднамеренной интенцией к использованию кода языковой игры). *Игровая трансформация* – наиболее универсальный термин для обозначения «продукта» языковой игры как семантической и/или формальной трансформации (обновления) некоего исходного языкового материала» (Гридина 2012б: 273).

Для именованного субъекта языковой игры используется латинское выражение *homo ludens*: «Под этим термином понимаем языковую личность, способную (проявляющую склонность) к использованию в своей речевой деятельности кодов (разных видов) языковой игры (с выделением игровой до-

минанты)» (Гридина 2013: 13). В трудах по лингвистике креатива представлена классификация *homo ludens*: «игрок-имитатор и игрок-стилизатор (способные проявлять себя в гротескной, гиперболизированной и при этом узнаваемой трансляции обыгрываемых черт чужой речи как индивидуумов, так и социальных групп, субкультур и даже литературных стилей); игрок-интерпретатор (придающий новый смысл или коннотации уже существующим вербальным знакам, способный к созданию оценочных импликаций, эффекта неоднозначности / смысловой многослойности слова, фразы, текста); игрок-генератор (создатель словотворческих, формообразовательных, фразеологических новаций; характерной чертой проявления креативности данного типа личности является оригинальность, деавтоматизирующая стереотипы речепорождения и речевосприятия)» (Гридина 2013: 16–17).

Многочисленные исследования реализации творческой деятельности субъекта в художественной речи демонстрируют тесную взаимосвязь лингвистики креатива и лингвопоэтики. «Лингвистика креатива рассматривает художественный текст как некое экспериментальное пространство, обнаруживающее писательские эвристики (особое чутье слова) и преднамеренное «обновление» формы и содержания вербальных знаков, создающее эстетически значимый эффект их интерпретации (собственно авторское миромоделирование)» (Гридина 2012б: 272).

В то же время лингвистика креатива обращена к тем текстам, в которых эстетическая функция уступает место прагматической. По отношению к ним используется термин «творческий текст»: «Под «творческим текстом» мы понимаем высказывание или несколько высказываний, представляющих собой минимальный контекст с точки зрения проявления речевого замысла, который включает в фокус говорящего привычные языковые механизмы (в нашем случае – грамматические), но в аспекте их нарушения, интеллектуальной или эмоциональной оценки, толкования или метафоризации. результатом этих «операций» становится языковая игра, языковая рефлексия, языковой

эксперимент, различные типы грамматической комбинаторики, метафора» (Ремчукова 2005: 44), а также «текст с креативным заданием»: «...в отличие от художественных, существуют и такие тексты, которые, будучи экспрессивными, в то же время не обладают образностью в широком смысле, не создают подлинных художественных образов; именно применительно к ним мы и предлагаем термин *тексты с креативным заданием*» (Крылова 2013: 23).

В исследовательском поле лингвистики креатива значительное место занимает рекламный дискурс: «Стереотипность и креативность – важные характеристики рекламного творчества, которые отнюдь не противопоставлены друг другу, поскольку в современном рекламном тексте представлены в равных пропорциях» (Ухова 2012: 163). При этом «понятие креативности в языке рекламы связано с использованием языковых единиц в определенных условиях односторонней коммуникации для успешной реализации языковой игры между автором рекламного текста и реципиентом» (Ильцова, Амири 2013: 37). Примером реализации лингвокреативной деятельности в рекламе может служить языковая игра с фразеологическими единицами, «апелляция к их семантике с целью формирования нового эмотивного опыта в потребительской среде, что является своего рода языковой стратегией в современной рекламе» (Амири 2019: 25). В речетворческом аспекте исследуется нейминг как «сфера рекламной коммуникации, которая позиционируется именно как «искусство создания имен» (Ремчукова 2016: 158).

Большое внимание уделяется анализу лингвокреативной составляющей медиатекстов, позволяющему обнаружить такие креативные тенденции развития современного медиадискурса, как полисеманτικότητα, интертекстуальность, дефразеологизация, потенциальное и окказиональное слово- и формообразование, графогибридизация (Ремчукова 2013: 86).

Для лингвистики креатива характерен интерес к детской речи, поскольку именно «здесь механизмы конструктивного (продуктивного) языкового мышления высту-

пают в «обнаженном» виде демонстрируя способность ребенка выводить некие алгоритмы пользования языком по принципу спонтанных и осознаваемых аналогий» (Гридина 2012а: 31). В детской речи наблюдается превалирование генеративной стратегии использования языка над репродуктивной. Интерес к детским речевым инновациям вписывается в общее направление языковедческой мысли, восходящее к идеям В. Гумбольдта о творческой природе языка (Цейтлин 2012: 49). Исследования детской речи позволяют установить связь между лингвокреативностью языковой личности и вариативностью речевого онтогенеза (Доброва 2012: 47).

В состав объектов лингвокреативных исследований входит и разговорная речь: «Под креативом разговорного дискурса справедливо понимают творческое начало, эвристичность, противостояние автоматизму, банальности, что свойственно далеко не только языку поэзии или, шире, художественному дискурсу, но в определенной мере свойственно и всем иным дискурсивным практикам, в том числе разговорной» (Харченко 2012: 147).

Интернет-пространство открывает широкие перспективы для изучения проявлений лингвокреативной деятельности, которая приобретает массовый характер. Всплеск речетворческой активности в интернете обусловлен целым рядом причин, как лингвистических, так и экстралингвистических: «Это и прагматически обусловленное стремление всех разновидностей массмедиа в полной мере использовать механизмы лингвокреативности для оптимизации речевого воздействия (сфера профессиональных компетенций), и та вербальная свобода, которая царит в интернете (она порождает как массовый, так и индивидуально-авторский «креатив»), и общий настрой русского человека, «наивного лингвиста», на языковое творчество, и целый ряд других причин, которые могут стать предметом отдельного социо- и психолингвистического исследования» (Ремчукова 2016: 159). Интернет-коммуникация рассматривается как «специфическая коммуникативная среда, которая способствует как существенному количественному скачку инновационных явлений языка, так и по-

вышению их качественного разнообразия» (Радбиль 2020: 299). В основе лингвокреативного потенциала интернет-среды лежат ее конституирующие признаки: «иллюзорность интернет-пространства, высокая скорость продвижения коммуникации, ее интерактивный характер и неограниченность в использовании языковых средств. Гибридный устно-письменный характер интернет-коммуникации способствует использованию многих приемов языковой игры» (Викторова 2018: 296). В интернет-пространстве формируются новые жанры, расширяющие возможности креативного использования языка и спектр приемов языковой игры, что может быть наглядно продемонстрировано на примере жанра демотиватора (Иссерс 2012: 118). По мнению исследователей, «инновации в русском языке интернета отражают общие для активных процессов в среде мировой интернет-коммуникации тенденции, которые связаны с активизацией игрового, лингвокреативного начала, с установкой на карнавализацию и несерьезное отношение к жизни, с некой эстетикой виртуализации реальности, а с другой – они демонстрируют существенный креативный и экспрессивный потенциал именно русского языка наших лет, являются залогом его дальнейшего обогащения и развития» (Радбиль 2020: 326).

О широте пространства языкового креатива свидетельствуют исследования таких его областей, как, например, русский рэп: «Рассмотрение феномена креативности с позиций лингвистики будет неполным без обращения к такой молодой культуре, какую представляет собой русский рэп, где креативность оказывается культуuroобразующим моментом» (Шмелева 2009: 176).

Изучение реализации лингвокреативности в различных дискурсивных практиках сопряжено с выявлением доминантных креативных стратегий и приемов: «Стратегии речевого поведения в целом можно рассматривать как лингвокреативную деятельность, так как они реализуются путем тактического выбора» (Иссерс 2009: 217). Одной из ведущих стратегий активизации лингвокреативности в дискурсе выступает стратегия деавтоматизации, включающая «набор коммуникативных тактик, которые выделяются

в соответствии с языковыми приемами, или маркерами лингвокреативности. В отношении дискурсов активного воздействия выделяются следующие тактики: деконвенционализация, компрессия, поликодовость, межъязыковое взаимодействие и межмодусная мобильность» (Соколова 2019: 242–243). Как креативная стратегия анализируется рефрейминг (рефреймирование) (Иссерс 2009: 218). Значительное внимание уделяется исследованию кодовых переключений как особой стратегии, обладающей значительным лингвокреативным потенциалом (Маркелова 2011: 364). Кодовые переключения «определяются как: основа моделирования идеологического смысла или образной системы произведения; факт творческого языкового взаимодействия; один из способов обнаружения рефлексии лингвокреативного мышления автора; инструмент словесной игры; креативная стратегия; творческий аспект двуязычия; средство или способ создания шуток и каламбуров» (Зыкова 2019: 217). В качестве креативной стратегии рассматривается авторский маскарад, предполагающий использование автором речевых масок для достижения разнообразных стилистических эффектов (Шмелева 2012: 239). Выделяются ведущие лингвокреативные приемы, выступающие маркерами лингвокреативности: каламбуры (Шмелева 2019: 259), «неологизмы и окказионализмы, аграмматизмы, дисграфия и другие нарушения языковой нормы, конструкции с многоточием, транспозиция глагольных форм, эллипсис, зачеркивание, поликодовые сообщения» (Соколова 2019: 243) и др.

Активная разработка теории и практики лингвокреативности ведется коллективами ученых в рамках научных проектов. Возглавляемая И. В. Зыковой группа исследователей, в которую вошли В. З. Демьянков, Е. В. Захаркив, М. И. Киосе, С. С. Кулиджанян, О. В. Соколова, А. А. Степанова, В. В. Фещенко, Е. С. Шмелева, реализует проект «Параметризация лингвокреативности в дискурсе и языке» (2019–2021). Целью проекта является контрастивное параметрическое исследование креативного потенциала различных видов дискурса – медиадискурса (включая политический дискурс), дискурса

игрового кино, рекламного дискурса, интернет-дискурса, дискурса детской литературы, авангардного художественного дискурса, научно-фантастического дискурса, эпистолярного дискурса – в русском и английском языках, а также анализ механизмов воспроизводимости и стереотипизации. Уровни анализа задаются соответствующими параметрами: внешними (макродискурсивными), внутренними (микродискурсивными) и междискурсивными.

Разработанный алгоритм оценки степени лингвокреативности того или иного дискурса и языка в целом дает возможность разграничить креативные и некреативные языковые и дискурсивные феномены; построить шкалу дискурсов по степени их лингвокреативности; выявить креативные явления, которые характерны для разных языковых уровней и присущи в разной степени анализируемым типам дискурса.

Лингвокреативность рассматривается в широком социокультурном контексте как фактор воздействия (включая манипулирование) на индивидуальное и общественное сознание носителей русского и английского языков.

В Институте языкознания Российской академии наук участники проекта дважды провели научную конференцию «Дискурс и язык в эпоху “больших данных”: лингвокреативные пределы и возможности». На первой конференции (14–15 октября 2019 г.) «обсуждались проблемы лингвистической креативности в дискурсах разного типа, современная методология изучения языковых девиаций, философско-семиотические основания и когнитивные механизмы дискурсивной креативности, языковое творчество в диахроническом измерении, а также в поликодовом дискурсе и мультимодальной коммуникации, корпусный и компьютерный подходы к анализу динамики языковых новаций» (Маслова, Танхилевич 2021: 215).

На второй конференции (16–17 сентября 2021 г.) предметом научной дискуссии стали проблемы терминологического определения лингвокреативности и ее отношения к норме (Е. Г. Беляевская); креативная природа мультимодальной метафоры (Е. Е. Голубкова,

М. П. Таймур); креативность речи о возможном и о вероятном (В. З. Демьянков); лингвокреативный потенциал дискурсивных слов в современной поэзии (Е. В. Захаркив); лингвокреативное моделирование кинопроизведений (И. В. Зыкова); кросс-модальная иконичность (О. К. Ирисханова); манипулятивность и креативность в политическом дискурсе (Е. Л. Кабахидзе); конвенциональность и интенциональность лингвокреативности в дискурсе детской литературы (М. И. Киосе); креативная воспроизводимость фразеологических единиц и прецедентных феноменов (С. С. Кулиджанян); языковая и дискурсивная креативность в поэтическом и рекламном дискурсах (О. В. Соколова); лингвокреативность в эпистолярном дискурсе (А. А. Степанова); параметры языковых новаций в художественных и научных текстах эпохи русского авангарда (В. В. Фещенко); креативность медийного дискурса (Е. С. Шмелева) и др. (аннотации докладов конференции размещены на сайте ИЯ РАН. URL: https://iling-ran.ru/web/sites/default/files/conferences/2021/2021_discourse_big_data_abstracts.pdf).

Научный коллектив, возглавляемый М. В. Ивановой, в составе Н. И. Клушиной, С. Ф. Барышевой, Л. Т. Касперовой, Н. В. Смирновой, осуществляет разработку проекта «Креативная функция языка в интернет-коммуникации» (2020–2022). Цель проекта – выявить и описать особенности интернет-коммуникации как коммуникации нового типа, в которой наиболее полно реализуется креативная функция языка. Лингвокреативный подход позволяет непротиворечиво описать функционирование языка в интернете и объяснить наблюдаемые и неоднозначно оцениваемые исследователями (как новации или как деструкции) процессы в языковой системе, происходящие под влиянием интернет-среды. В ходе исследования очерчено проблемное поле современной интернет-стилистики, основу которой составляет креативное использование языка в коммуникативном пространстве интернета (М. В. Иванова, Н. И. Клушина). «Мы наблюдаем, как интернет способствует формированию новых языковых явлений, которые апробируются, шлифуются,

отсеиваются или, наоборот, входят в узус. Интернет-коммуникация берет на себя основную роль по формированию новых языковых и жанрово-коммуникативных норм современного русского языка – ту роль, которую ранее выполнял язык художественной литературы. Креативная функция языка в интернете главной силой, воздействующей на динамику современной нормы языкового употребления» (Иванова, Клушина 2021: 60).

В рамках проекта изучаются креативные возможности интернет-коммуникации, обусловленные ее устно-письменным характером (С. Ф. Барышева). Установлено, что имитация устности в интернет-общении направлена не только на максимальное приближение коммуникации в интернете к разговорности в оффлайн-общении, но и на языковую игру, эмоциональность, обновление графического кода с помощью эмодзи (эмодзи в значении финальных знаков препинания – точки, восклицательного знака и др.). Отмечено, что «в «письморечи» интернета графически выражены преимущественно два просодических параметра: тембр и логическое ударение, с функцией соответственно выразить эмоциональное состояние человека и обозначать логический центр фразы» (Барышева 2021: 43). Выявлена такая особенность интернет-текстов, как контаминация способов передачи просодики прозаической речи и драматической: «Яркий пример – ремарки как черта драматического текста в повествовательной структуре интернет-текста (передают степень громкости и тембровой окраски голоса)» (Там же: 44).

Креативная функция языка исследуется и на материале неологизмов-заимствований (Л. Т. Касперова), демонстрирующих имманентную связь креативности и новизны. Проанализированы основные функции неологизмов в медиаречи: креативизация, интеллектуализация, воздействие, продвижение, а также особая функция интернет-коммуникации – компенсаторная как способ снятия стресса и выражения эмоций. В качестве основных способов создания коннотативного значения у нейтрального слова в интернет-коммуникации рассмотрены: «а)

контекстное окружение оценочного (воздействующего) характера (слова с денотативной или коннотативной позитивной / негативной оценкой, слова с косвенной оценкой; императивы; акциональные глаголы; включение в прецедентные тексты; метафорические контексты и пр.); б) невербальные средства воздействия (фотографии, аудио- и видеоролики), вызывающие положительный эмоциональный отклик аудитории; в) агрессивная частотность употребления лексической единицы в СМИ, рекламе, PR в определенном оценочном окружении» (Касперова 2021: 449).

В ходе реализации проекта было проведено исследование креативного потенциала и нарративной специфики мультимедийной истории как нового формата медиатекстов, представленного комбинацией различных способов кодирования информации: письменного текста, фотографий, видео, аудио, анимированной графики (Н. В. Смирнова). Отмечено, что «интерактивность мультимедийной истории предполагает активность адресата в процессе восприятия материала: отсутствие жестко структурированного повествования предоставляет адресату свободу выбора в продвижении через элементы мультимедийной истории. Креативный потенциал мультимедийной истории обусловлен интеграцией технологий и творчества, полифоничностью как на уровне формы, так и на уровне содержания» (Смирнова 2020: 281). Рассмотрены особенности мультимедийной презентации ведущих нарративных категорий и доминантные приемы иммерсивного повествования, включающие детальную реконструкцию сцен, структурирование хронологической последовательности событий и смену точек зрения, и реализующиеся за счет интеграции вербальных и невербальных элементов.

Интенсивное изучение лингвокреативности во всех ее проявлениях – одна из характерных черт исследовательского пространства современного русского языкознания. Интеграция различных концепций лингвокреативности способствует их взаимному обогащению и обеспечивает понятию лингвокреативности статус одной из доминантных метаязыковых единиц.

Литература

1. Абдуллаева Ч. Б. Лингвокреативность в контексте антропоцентризма // Бюллетень науки и практики. – 2021. – Т. 7. – №3. – С. 375–379.
2. Азарова Н. М. Рождение и творчество // Творчество вне традиционных классификаций гуманитарных наук: Материалы конференции. – М. – Калуга: ИП Кошелев А. Б. (Издательство «Эйдос»), 2008. – С. 148–163.
3. Азарова Н. М. Креативность как слово и как концепт // Критика и семиотика. – 2014. – № 2. – С. 21–30.
4. Азарова Н. М. Уйдите, нет, оставайтесь: динамика взаимодействия концептов «творчество» и «креативность» // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2016. – Вып. 7. – С. 35–48.
5. Амири Л. П. Анализ лингвокреативной деятельности в рекламном дискурсе на примере окказиональных фразеологизмов // Настоящее и будущее стилистики: сб. научных статей Международной научной конференции (13-14 мая 2019 г.). – М.: ФЛИНТА, 2019. – С. 25–31.
6. Базилевич В. Б. Языковая игра как форма проявления лингвистической креативности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 8 (50): в 3 ч. – Ч. III. – С. 20–22.
7. Барышева С. Ф. Устно-письменная форма речи в интернет-коммуникации как проявление тенденции к разговорности и диалогичности // Мир лингвистики и коммуникации (электронный научный журнал). – 2021. – № 2. – С. 34–47.
8. Богатырева О. Л. Креативный потенциал категории рода в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 200 с.
9. Векшин Г. В. Фоносиллабема – элементарная операциональная единица творческой языковой способности (поэзия, детская речь, языковая игра) // Лингвистика креатива – 4: коллективная монография / под общей ред. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2018. – С. 48–74.
10. Вепрева И. Т. Креатив *креатива*, или о функционировании лексемы *креатив* в современном русском языке // Лингвистика креатива –1: коллективная монография / под общей ред. проф. Т. А. Гридиной. – 2-е изд.– Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2013. – С. 112–123.
11. Викторова Е. Ю. Лингвокреативный потенциал интернет-коммуникации (на материале жанра социальных сетей) // Жанры речи. – 2018. – № 4 (20). – С. 294–303.
12. Вознесенская И. М. «Креативность» в языке и тексте (обзор) // Воспитание языкового вкуса студентов в процессе преподавания русской словесности: материалы докладов и сообщений XXIV международной научно-методической конференции. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та технологии и дизайна, 2019. – С. 17–21.
13. Вторая международная научная конференция «Дискурс и язык в эпоху «больших данных»: лингвокреативные пределы и возможности». 16–17 сентября 2021. URL: https://iling-ran.ru/web/sites/default/files/conferences/2021/2021_discourse_big_data_abstracts.pdf.
14. Гермашева Т. М. Лингвокреативный дискурс: к постановке проблемы // Дискурс-Пи. – 2016. – № 3–4 (24–25). – С. 166–172.
15. Горбунова Н. Г. Языкотворчество Джеймса Джойса: словообразовательный аспект (на примере романа «Улисс»). URL: <http://www.james-joyce.ru/articles/yazikotvorchestvo-joysa-slovoobrazovatelnyy-aspekt.htm>.
16. Григорьев В. П. Поэтика слова. – М.: Наука, 1979. – 344 с.
17. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996. – 214 с.

18. Гридина Т. А. Логика языкового парадокса в детской речи // Лингвистика креатива – 2: коллективная монография / отв. ред. Т. А. Гридина. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012а. – С. 5–32.
19. Гридина Т. А. «Делать из мухи слона»: ассоциативная проекция игрового слова в художественном тексте // Лингвистика креатива – 2: коллективная монография / отв. ред. Т. А. Гридина. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012б. – С. 272–288.
20. Гридина Т. А. К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи // Лингвистика креатива – 1: коллективная монография / под общей ред. проф. Т. А. Гридиной. – 2-е изд. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2013. – С. 5–58.
21. Гридина Т. А. Метафоры детской речи как феномен лингвокреативного мышления и поэтической одаренности // Лингвистика креатива – 4: коллективная монография / под общей ред. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2018. – С. 11–39.
22. Гридина Т. А. Идиостилевые ракурсы языковой игры: гротескный мир Вагрича Бахчаняна // Лингвистика креатива – 5: коллективная монография / под общей ред. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2020. – С. 14–60.
23. Гридина Т. А., Пипко Е. И. Экспериментальное исследование вербальной креативности: словотворчество и речепорождение // Филологический класс. – 2012. – №3 (29). – С. 12–18.
24. Демьянков В. З. Языковое творчество и речевая креативность // Язык как медиатор между знанием и искусством. Сборник докладов международного научного семинара / отв. ред. Н. А. Фатева. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2009. – С. 11–19.
25. Доброва Г. Р. Креативность языковой личности в аспекте вариативности речевого онтогенеза // Лингвистика креатива – 2: коллективная монография / отв. ред. Т. А. Гридина. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012. – С. 33–48.
26. Заботкина В. И. Креативность в лексиконе; взаимодействие когниции и коммуникации // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сборник научных трудов. Вып. 2. – М.: «КДУ», «Университетская книга», 2018. – С. 22–25.
27. Заботкина В. И. Когнитивные основы лингвистической креативности // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVIII. Языки, культуры, модальности: Интеграция методов когнитивных исследований языка / гл. ред. вып. О. К. Ирисханова. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2019. – С. 208–216.
28. Зыкова И. В. Лингвокреативность с позиции лингвокультурологии: теория, метод, анализ // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. серии В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2016. – Вып. 53. – С. 136–151.
29. Зыкова И. В. Метаязык лингвокультурологии: КОНСТАНТЫ и ВАРИАНТЫ. – М.: Гнозис, 2017. – 752 с.
30. Зыкова И. В. Code-switching как когнитивный прием реализации лингвокреативности в комедийном кинодискурсе // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVIII. Языки, культуры, модальности: Интеграция методов когнитивных исследований языка / гл. ред. вып. О. К. Ирисханова. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2019. – С. 216–228.
31. Зыкова И. В., Киосе М. И. Параметризация лингвистической креативности в междискурсивном аспекте: кинодискурс vs. дискурс детской литературы // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2020. – № 2. – С. 26–40.
32. Иванова М. В., Клушина Н. И. Креативные возможности языка в интернет-коммуникации // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. – 2021. – № 1. – С. 54–62.
33. Ильясова С. В., Амири Л. П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 296 с.
34. Ирисханова О. К. Лингвокреативные основания теории номинализации: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2004. – 332 с.

35. Ирисханова О. К. О понятии креативности и его роли в метаязыке лингвистических исследований // Когнитивные исследования языка. Вып. V. Исследование познавательных процессов в языке: сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С.158–171.
36. Иссерс О. С. Стратегия рефрейминга в аспекте лингвокреативной деятельности // Лингвистика креатива –1: коллективная монография / под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. – 2-е изд.– Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2013. – С. 216–229.
37. Иссерс О. С. Лингвокогнитивные игры в пространстве Интернета: от смешного до серьезного // Лингвистика креатива – 2: коллективная монография / отв. ред. Т. А. Гридина. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012. – С. 101–120.
38. Касперова Л. Т. Коннотации новейших заимствований в интернет-пространстве // Журналистика в 2020 году: творчество, профессия, индустрия. Материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. Е. Л. Вартанова, Я. Н. Засурский. – М.: Фак. журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2021. – С. 448–449.
39. Киосе М. И. Параметрическая оценка лингвистической креативности текстов детской художественной литературы: возрастной критерий // Когнитивные исследования языка. Вып. V. Исследование познавательных процессов в языке: сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 228–239.
40. Киосе М. И. Векторные модели лингвокреативности как инструмент оценки вариативности дискурса // Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения. Сборник научных статей к 90-летию профессора Вероники Николаевны Телия / отв. ред. И. В. Зыкова, В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2020. – С.113–129.
41. Копнина Г. А. Лингвистика креатива // Эффективное речевое общение (базовые компетенции).
42. Словарь-справочник / под редакцией А. П. Сковородникова. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. – С. 272–273.
43. Копнина Г. А., Сковородников А. П. Стилистика креатива и эколингвистика: точки соприкосновения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 8 (38). – Ч. 1. – С. 101–104.
44. Крылова О. А. Образность и тексты с креативным заданием // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 2013. – №3. – С. 21–25.
45. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века. – М.: Изд. центр РГГУ, 1995. – С. 144–238.
46. Купина Н. А. Креатемы в речи детей // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. – 2012. – № 3. – С. 22–27.
47. Купина Н. А. Креативная стилистика // Купина Н. А., Матвеева Т. В. Стилистика современного русского языка. – М.: Юрайт, 2013. – С. 298–410.
48. Купина Н. А. Креативная стилистика и креативные речевые технологии // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2016. – Вып. 7. – С.131–143.
49. Лингвистика креатива: коллективная монография / отв. ред. Т. А. Гридина. –Екатеринбург: ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2009. – 368 с.
50. Лингвистика креатива – 2: коллективная монография / отв. ред. Т. А. Гридина. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012. – 378 с.
51. Лингвистика креатива-1: коллективная монография / под общей ред. проф. Т. А. Гридиной. – 2-е изд.– Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2013. – 368 с.
52. Лингвистика креатива-3: коллективная монография / под общей ред. проф. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2014. – 343 с.
53. Лингвистика креатива – 4: коллективная монография / под общей ред. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2018. – 367 с.
54. Лингвистика креатива – 5: коллективная монография / под общей ред. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2020. – 392 с.

55. Маркелова Т. И. Лингвокреативный потенциал переключения языкового кода в дискурсе // Языковое творчество в динамике семиотических взаимодействий. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 364–380.
56. Маслова А. К., Танхилевич А. Б. Дискурс и язык в эпоху «больших данных»: Пределы и возможности лингвокреативности // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2021. – № 2. – С. 215–219.
57. Минюрова С. А. Человек: креативный и / или инновационный? // Лингвистика креатива – 1: коллективная монография / под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. – 2-е изд. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2013. – С. 59–77.
58. Нагорная А. В. Грани и границы лингвокреативности: языковые эксперименты Стивена Кинга. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 312 с.
59. Ничипорович Е. А. Индивидуальное языковое сознание и национальная лингвоконцептосфера: метафоры креативного взаимодействия // Творчество вне традиционных классификаций гуманитарных наук: Материалы конференции. – М. – Калуга: ИП Кошелев А. Б. (Издательство «Эйдос»), 2008. – С. 192–201.
60. Норман Б. Ю. О креативной функции языка // Русское слово в языке, тексте и культурной среде / под ред. И. Т. Вепревой. – Екатеринбург: «Арго», 1997. – С. 165–174.
61. Норман Б. Ю. Игра на гранях языка. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 344 с.
62. Олянич А. В., Рыльщикова Л. М., Худяков К. В. Лингвoseмиотическая креативность научно-фантастического дискурса: монография. – Волгоград: Волгоградский ГАУ, 2016. – 187 с.
63. Писанова Т. В. Смещение жанров в постмодернистской литературе: «Игра в классики» как роман-игра в идентичность // Языковое творчество в динамике семиотических взаимодействий. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 91–161.
64. Позднякова Е. М. Креативность действия в зеркале лингвокреативной деятельности человека // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 3. – С. 43–49.
65. Постовалова В. И. Вступительное слово: О внутринаучной рефлексии в гуманитарном познании (Пролегомены к металингвокультурологии) // Зыкова И. В. Метаязык лингвокультурологии: КОНСТАНТЫ и ВАРИАНТЫ. – М.: Гнозис, 2017. – С. 8–25.
66. Постовалова В. И. Философия и богословие творчества как концептуальное основание лингвокреативности в современном гуманитарном познании // Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения. Сборник научных статей к 90-летию профессора Вероники Николаевны Телия / отв. ред. И. В. Зыкова, В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2020. – С. 130–141.
67. Радбиль Т. Б. Новые явления в языковой среде русскоязычного интернета: к проблеме семантического и прагматического освоения языковых инноваций в свете «лингвистики креатива» // Лингвистика креатива – 5: коллективная монография / под общей ред. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2020. – С. 298–326.
68. Ремчукова Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики: монография. – М.: Изд-во РУДН, 2005. – 329 с.
69. Ремчукова Е. Н. Лингвокреативные составляющие современных СМИ на фоне активных языковых процессов // Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. – Тарту, 2009. – С. 303–316.
70. Ремчукова Е. Н. Грамматические категории в зеркале креативности // Лингвистика креатива – 1: коллективная монография / под общей ред. проф. Т. А. Гридиной. – 2-е изд. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2013а. – С. 245–268.
71. Ремчукова Е. Н. Массовый лингвокреатив: преодоление стандарта // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2013б. – №2. – С. 83–89.
72. Ремчукова Е. Н. Прагматическая и эстетическая ценность «массового лингвокреатива» // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2016. – Вып. 7. – С. 157–167.

73. Рыльщикова Л. М. Лингвосомиотическая креативность научно-фантастического дискурса: автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Майкоп, 2016. – 26 с.
74. Седых А. П. Этнокультурные характеристики языковой личности: на материале французской языковой личности: автореферат дис. ... д-ра филол. наук. – Саратов, 2005. – 43 с.
75. Серебренников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. – М.: Наука, 1983. – 320 с.
76. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: язык и мышление. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 248 с.
77. Смирнова Н. В. Креативный потенциал мультимедийной истории // Сборник материалов IX Международной научной конференции Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения. Москва, РУДН, 24-25 сентября 2020 г. / под ред. Т. Б. Назарова. – Т. 1. – М.: РУДН, 2020. – С. 280–281.
78. Соколова О. В. Маркеры лингвокреативности в рекламном дискурсе // Когнитивные исследования языка. Вып. V. Исследование познавательных процессов в языке: сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 239–246.
79. Соколова О. В. Дискурс-«логофаг»: границы лингвокреативности и стереотипности в рекламе // Критика и семиотика. – 2020. – № 1. – С. 114–142.
80. Степанова А. А. Лингвокреативность фразеологических единиц в эпистолярном дискурсе М. И. Цветаевой // Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения. Сборник научных статей к 90-летию профессора Вероники Николаевны Телия / отв. ред. И. В. Зыкова, В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2020. – С. 142–151.
81. Устинова Т. В. Лингвокреативность смыслового восприятия окказионализмов в поэтическом тексте // Лингвистика креатива – 4: коллективная монография / под общей ред. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2018. – С. 213–228.
82. Ухова Л. В. Стереотипность и креативность как ценные характеристики рекламного текста // Стереотипность и творчество в тексте: коллективная монография. – Пермь: Изд-во ПГУ, 2012. – Вып. 16. – С. 154–166.
83. Фатеева Н. А. Языковая креативность: подступы к теме // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2016. – Вып. 7. – С. 13–28.
84. Фещенко В. В. Семиотика творчества и лингвистика креативности // Общественные науки и современность. – 2008. – № 6. – С. 143–150.
85. Фещенко В. В. Язык как творчество и творчество в языке: к истории лингвистической идеи // Критика и семиотика. – Вып. 17. – 2012. – С. 84–94.
86. Фещенко В. В. К ограничению понятия «лингвокреативность» и разграничению сфер его применения // Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения. Сборник научных статей к 90-летию профессора Вероники Николаевны Телия / отв. ред. И. В. Зыкова, В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2020. – С. 152–168.
87. Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые создают будущее. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 384 с.
88. Халеева И. И., Ирисханова О. К. Исследование языкового творчества: проблемы и дискуссии // Языковое творчество в динамике семиотических взаимодействий. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 5–17.
89. Халеева И. И., Ирисханова О. К., Волоскович А. М. Общесемиотические основания лингвокреативности // Языковое творчество в динамике семиотических взаимодействий. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 18–56.
90. Харченко В. К. Креатив разговорного дискурса серьезного // Лингвистика креатива – 2: коллективная монография / отв. ред. Т. А. Гридина. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012. – С. 147–164.
91. Цейтлин С. Н. Детские инновации: к истории изучения // Лингвистика креатива – 2: коллективная монография / отв. ред. Т. А. Гридина. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012. – С. 49–62.

92. Шилов Т. Б. Система развития вербальной креативности у школьников. – СПб.: ЛОИРО, 2018. – 108 с.
93. Шмелева Е. С. Лингвокреативность в аспекте стилистики: роль каламбура в стилистических конвергенциях (на материале англоязычных медийных заголовков) // Когнитивные исследования языка. Вып. V. Исследование познавательных процессов в языке: сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 258–266.
94. Шмелева Е. С. Когнитивные механизмы и прагматический потенциал лингвокреативности (на материале *The Economist*) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – Т. 18. – №. 3. – С. 78–86.
95. Шмелева Т. В. Русский рэп как пространство языкового креатива // Лингвистика креатива – 1: коллективная монография / под общей ред. проф. Т. А. Гридиной. – 2-е изд. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2013. – С. 176–193.
96. Шмелева Т. В. Авторский маскарад // Лингвистика креатива – 2: коллективная монография / отв. ред. Т. А. Гридина. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012. – С. 238–258.
97. Шульга О. К. Вербальная креативность как составляющая языковых и речевых способностей // Традиции и инновации в исследовании и преподавании языков: Материалы Республиканского научно-практического семинара с международным участием «Инновационные технологии в современной парадигме языкового образования», Минск, БГУ, 26–27 окт. 2012 г. / отв. ред. О. И. Уланович. – Минск: Изд. центр БГУ, 2013. – С. 13–16.